чительные слова ясно указывают на происхождение всего этого эпизода. Так обычно отвечает богатырь татарскому царю. В одном из поздних списков «Сказания» стилистическая близость этого места к былинам еще более очевидна: «А служити тебе, царю, аз рад со своею саблею вострою над твоею шиею толстою».

Сходство с былинами не ограничивается лишь одним местом из ответа Захарии. Как мы видим, ответ аналогичен тому, какой знают былины, но он перебит рассказом о возвращении посла. Параллель к этому рассказу есть в былине «Василий Игнатьевич и Батыга». Василий-богатырь проникает в татарский стан под видом перебежчика. Он сам предлагает Батыю номощь: он готов провести татар в Киев.

Дай мне-ка силы сорок тысящей, Пособлю я тебе взяти наш Киев-град. Уж я энаю, где ворота худо заперты, Худо заперты ворота, не заложены.

(Гильфердинг, II, № 181).

Обычно и здесь Батый проявляет чисто эпическую доверчивость: «А на ты лясы Батыга приукинулся»; «А на ты слова Батый обнадеялсо»; «А на ты на лясы приочарилсе». Он дает русскому богатырю силу в сорок тысячей. Василий выводит ее в поле, уничтожает и возвращается снова в татарский лагерь, объясняя Батыге, что он «попал на заставушки российские», и прося у него новой силы. Эпизод повторяется трижды, и наконец Василий возвращается и уничтожает оставшихся татар во главе с Батыгой (см., например: Гильфердинг, I, №№ 41, 60, 66; Тихонравов—Миллер, № 38; Соколов—Чичеров, № 14).

Таким образом, в «Сказании» как бы соединились в одном цельном рассказе эпические мотивы, которые в известных нам былинных записях имеют совершенно самостоятельный характер.

Эпизод с Захарией кончается тем, что Дмитрий, встретив посла, «сотвори пир честен на Захарию и почтив Захарию многими дары» (Шамбинаго, стр. 88). Такой финал тоже вполне в духе былин, оканчивающихся обычно пиром в честь богатырей-победителей и их награждением.

Следует указать и основные отличия эпизода повести от соответствующих былинных мотивов. В «Сказании» некоторые ситуации носят эпически-условный характер, но здесь нет ничего эпически-фантастического. Захария — не богатырь, и он не совершает богатырских подвигов. Весь эпизод доведен до максимального правдоподобия. Стилистически он, за исключением одного-двух случаев, далек от эпоса. Религиозно-благочестивая концепция автора, преданность его идее княжеской власти, ориентация. на литературный стиль с элементами некоторой украшенности и витиеватости — все это значительно приглушает народно-поэтическое звучание данного эпизода.

Вопрос о том, существовал ли в фольклоре сюжет о подвиге Захарии (в виде былины, песни или предания), остается открытым. Самый характер разработки эпизода в повести таков, что он не позволяет прямо решить этот вопрос. Вполне возможно, что в основе эпизода лежит какой-то реальный жизненный факт. Первоначальные фактические сведения о посольстве Захарии исчерпывались теми несколькими фразами, которые имеются в других редакциях повести. Составитель распространенной редакции мог сам, опираясь на традиционные эпические аналогии, разработать эпизод, придав ему характер самостоятельной интересной и героической истории. Скорее данный рассказ можно рассматривать не как изложение уже суще-